Г. Григорян

Мир
глазами
художника

Поэма о Карабахе

Елена Васютинская

Мир
глазами
художника

Г. Григорян (Григор)

Поэма о Карабахе

Москва Советский художник 1988

Даты жизни и творчества

24 сентября 1940
Родился в селе Цоватех Нагорно-Карабахской автономной области

1956
Удостоен звания лауреата VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве за работы, представленные на художественной выставке

1957—1961
Учился в Азербайджанском государственном художественном училище имени А. Азимзаде

1961—1967
Учился в Московском государственном художественном институте имени В. И. Сурикова

с 1965
Постоянный участник всесоюзных и московских художественных выставок

1966
Творческая командировка от Союза художников СССР на Колыму, Чукотку, Дальний Восток

1967
Участие в групповой выставке «Художники на Севере». Москва

1968
Творческая командировка от Союза художников СССР по зарубежным странам (Япония, Сингапур, Таиланд, ФРГ)

1975
За произведения «Матери Карабаха» и «Сынам Карабаха» удостоен премии Московского комсомола
Принят в члены Союза художников СССР
Персональная выставка в Центральном Доме архитекторов. Москва

1976—1980
Живет в деревне Цоватех Нагорно-Карабахской автономной области
Работает учителем рисования в местной средней школе
Удостоен звания «Отличник просвещения АзССР»

1977
Персональная выставка. Степанакерт, Мартуни

с 1980
Живет и работает в Москве

1984
Творческая командировка в Монгольскую Народную Республику

1985
Поездка по странам Средиземного моря (Италия, Франция, Испания, Греция, Мальта, Турция, Монако)

Григорий Григорян (Григор) родился в высокогорном карабахском селе Цоватех, где и поныне местные жители, собираясь на полевые работы, чаще предпочитают вверять себя и свою поклажу традиционному в этих краях «транспорту» — ишаку. С ранних лет в Григоряне, мальчике из крестьянской семьи, во многом живущей нравами и обычаями своего древнего народа, проявился дар понимания красоты окружающего мира. Его судьба сложилась счастливо. Пройдя через «классическую» стадию занятий в изостудии Дома пионеров в Баку, талантливый юноша был направлен в Московский художественный институт имени В. И. Сурикова, где под руководством опытных педагогов сформировался как профессиональный живописец.

Со студенческих лет в творчестве Григоряна стабильно присутствует тема, посвященная жизни родной земли, Нагорному Карабаху, его прошлому и настоящему. Стремясь всеобъемлюще выразить всю глубину своих знаний и многолетних размышлений о карабахской земле, безграничную любовь к ней, художник ведущим жанром своего искусства делает многофигурную тематическую картину, как правило, лирико-эпического звучания, иногда акцентируя в ней житейско-бытовое содержание. Не менее популярны в его творчестве пейзажные композиции, без которых невозможно было бы получить полное представление о живом и многоликом портрете этих не столь широко доступных мест.

Край суровой, величественной, но и по-южному благодатной природы, земля детства и юности Григоряна — скалы и бьющие из расщелин родники, ручьи, рождающие быстрые кавказские реки, огромные шатры тутовых деревьев; горные плато с пасущимися на них отарами овец; выстроенные из местного камня, карабкающиеся торопливо вверх или размеренно шагающие уступами сельские домики с плоскими кровлями, карабахские дворы, в которых течет неторопливая жизнь, — вот образ родины, всегда присутствующий в творчестве художника. И конечно, жизнелюбивые, сильные, гордые и добрые люди, возделывающие кропотливым трудом каменистую землю.

Григорян живет в Москве вот уже более двадцати лет, но неистребимое чувство отчего дома, своих корней заставляет его почти каждое лето бывать в родном селе, где он обновляет запас впечатлений и воспоминаний.

Одной из первых крупных тематических работ Григоряна, получившей премию Московского комсомола в 1975 году, стала картина «Матери Карабаха» (1974), в которой запечатлелась вся неизбывная боль художника за трагические судьбы карабахцев, прошедших наравне со всей страной путь тяжких испытаний военных лет. Сюжет этого произведения, как и всех последующих, посвященных военной теме, взят Григоряном из жизни и потому исполнен столь высокого и чистого драматического звучания. На сельском кладбище собрались пожилые и молодые женщины, матери, вдовы. Здесь нет многих их близких, они погибли далеко от родных кара-

1
Матери Карабаха. Фрагмент. 1974

бахских гор, в краях, по которым прокатился огненный вал войны. Но застыв в своем безутешном горе у символического надгробия, матери совершают ритуальный обряд оплакивания всех карабахцев, которым не суждено было вернуться к домашнему очагу. Содержание картины и натурные наблюдения художника подсказали естественное лаконичное композиционное решение — выдвинутые на передний план женские фигуры объединены в монолитную группу. Колористический строй произведения построен на столкновении контрастных — холодных синих и полыхающих оранжево-желтых, красных — тонов, которые усиливают экспрессию полотна в целом. Считая образное выражение общечеловеческих идеалов главным в деятельности художника, Григорян на протяжении всего своего творчества возвращается к теме вечной памяти о тех, кто не вернулся с полей сражений, каждый раз находя в ее интерпретации новые содержательные аспекты, используя разные средства художественной выразительности. Среди подобных полотен можно назвать «Сынам Карабаха» (1975), «Память» (1981), «Отец солдата» (1985), «Родина благодарна своим сыновьям» (1985) и другие, которые в целом составляют некий живописный памятник-реквием.

«Память» написана семь лет спустя после «Матерей Карабаха»; в ней с еще большей пронзительностью звучит мотив глубокой печали: три женские фигуры, расположенные фронтально на фоне арочной ниши старой деревенской часовни, застыли в сосредоточенном молчании. В подчеркнутой вытянутости их поз выражение не только суровой скорби, вечного ожидания, но и несокрушимой силы человеческого духа. Интенсивная холодная синева колорита с редкими всполохами красных тонов, мерцающих как свечное пламя, несет в себе эмоциональный заряд, помогающий выявить общее настроение, которым проникнута картина. Тем не менее следует заметить, что в холстах Григоряна, посвященных памяти о войне, всегда присутствует светлое начало, связанное с торжеством жизни, ее устремленностью в мирное будущее. Это — или фигурка ребенка, широко раскрытыми глазами смотрящего на зрителя, или птица, свившая себе гнездо рядом с людьми, или овечка, без которой немыслим карабахский дом, — для художника они становятся воплощением надежды и радости.

Восьмидесятые годы — плодотворная пора в творчестве Григоряна. Он много работает. Расширяется круг сюжетов, интересующих художника, поездки по стране и за рубеж дают ему новые темы для творчества. Но, как истинный художник, он редко бывает удовлетворен результатами, часто возвращается к уже написанным холстам, внося фрагментарные изменения или порой переделывая всю композицию. В этом бесконечном поиске, в сомнениях, разочарованиях, размышлениях с кистью в руке наглядно отражается динамический процесс развития его творческой личности.

Искусство Григоряна выросло на почве национальной армянской живописи. Художественные традиции сказываются пре-

2
Сынам Карабаха. 1975

жде всего в характерной условности и декоративности изобразительного языка, особенно примечательных в творчестве Григоряна 70-х — начала 80-х годов. Он пишет без полутонов, ярко, пастозно, многослойно, но цветовая интенсивность используется им не как самоцель, а как средство усиления образного строя полотен. Цвет привлекает художника своими неограниченными возможностями передачи настроения, состояния, чувственно-эмоциональным воздействием на зрителя, наконец чисто декоративными свойствами. В нем художник находит для себя один из «материальных» способов выражения своего отношения к миру. Колористическое звучание холста воспринимается Григоряном как подобие музыкальной симфонии, в которой все темы органично связаны одной идеей, но в то же время существует ведущая, определяющая смысловой и эмоциональный строй произведения. Обычно сам сюжет подсказывает его колористическое воплощение. В картине «Демобилизовался» (1974) поток пламенеющего красного цвета с отливами желтого заливает все пространство картины и только кое-где скупо перебивается зеленым, синим тонами, обозначающими одежду людей или кроны деревьев. В этом красочном мажоре есть свой глубокий смысл. На полотне изображена распространенная сцена возвращения демобилизованного солдата домой. Уходят вверх по горе тесно стоящие деревенские строения, на переднем плане по кругу расположились солдат, его родители, традиционные спутники любого праздника — музыканты, играющие приветственную песнь на национальных инструментах. Предметное окружение героев в данном случае мало интересует Григоряна. Условности построения плоскостного пространства соответствует своеобразная пластическая характеристика персонажей, которые лишены индивидуальных черт, написаны скорее как типажи, широко и обобщенно. Художественная задача Григоряна состоит в том, чтобы ритмическим строем композиции, насыщенной, откровенно жизнерадостной колористической гаммой передать идею картины — идею праздника, отказываясь в ее трактовке от узкобытового содержания. Картина воспевает самую большую радость в человеческой жизни — возвращение к мирному труду.

Собирательный образ женщины-матери был создан Григоряном в картине «Карабахская мадонна» (1974). В центре композиции художник поместил женскую фигуру в национальной одежде. Зеленая ветвь в ее руке и ягненок у ног представляют собой старинные традиционные символы мира и труда. Статуарной неподвижности «мадонны», в которой заключено ощущение покоя и душевной твердости, противопоставлена динамика цветовых сочетаний, на которых строится колорит. Он как бы вобрал в себя все многоцветье знойного карабахского лета — жаркие краски разогретой зноем земли, яркую зелень тутовых деревьев, густую синеву благодатно-прохладной тени. Живописно-декоративная система Григоряна здесь основана на сопоставлении дополнительных

3
Память. 1981

тонов, а в продуманном лаконизме изобразительного языка присутствует нечто от плакатной условности.

Настроением человеческого счастья полна картина «Вернулся» (1980), аналогичная по теме более ранней композиции «Демобилизовался». Но если в последней преобладало чувство захватывающей радости бытия на залитой солнцем земле и созвучная ему цветовая экспрессия, то в холсте «Вернулся» сюжет трактуется со спокойной значительностью. Во всей композиции ощущается не сиюминутность момента, а извечная торжественность реальной сцены, чем-то напоминающая иконописный мотив предстояния, в статичности фигур, развернутых на плоскости и обращенных преимущественно лицом к зрителю, в той невидимой, но остро ощущаемой духовной связи, которая протянулась от старшего поколения, родителей, к младшему — девочке с огненным петухом в руках, и сконцентрировалась на главном герое картины — молодом солдате. Живопись картины в данном случае подобна многоцветному восточному ковру, в котором при всем обилии красочных сочетаний господствует своя орнаментальная логика и гармония.

У Григоряна найдется много полотен, содержание которых строится на простых сюжетах. Но они увидены художником как «вечные темы»: рождение человека, его смерть, смена времен года. Именно так трактован столь сценически «домашний» мотив, как «У очага» (1980), с изображением характерного сельского интерьера. Занятие женщин хозяйством трактуется Григоряном как некое таинство. Обычные в крестьянском обиходе предметы и утварь — глиняная посуда, лоскутное одеяло, прикрывающее спящего ребенка, домотканый ковер на полу — написаны художником с ощущением их подлинной драгоценности. В картине «Вечер» (1982) две женщины, прядущие огненные шелковые нити, значительностью своих мерных движений напоминают мифологических парок, ткущих нити человеческих судеб.

Григорян как художник привязан к определенному кругу тем и сюжетов, который определяется его духовной связью с родным Карабахом. Он не является сторонником прямолинейного бытописательства. Его живописи не свойственна иллюстративная повествовательность. Такие работы, как «Сбор орехов» (1981), «Будни моего села» (1985), инспирирующие своими названиями какое-то развернутое действие, не становятся, однако, чисто жанровыми композициями. В них есть аллегорическая окраска: изображая конкретное действие, содержательно и пластически они обозначают, подобно работам старых мастеров, гораздо больший круг явлений, составляющих обширный мир человеческой жизни.

Григорян часто возвращается к непритязательному внешне мотиву карабахского дворика, пространство которого на юге всегда служит непосредственным продолжением крестьянского дома. Художник пишет его в разное время дня и года, меняя интонационную окраску, решая новые живописные задачи. Яркий солнечный свет, прорезывающий четкие грани

4
Отец солдата. 1985

между освещенными и теневыми местами, позволяет выявить конструктивную логику архитектуры дворовых строений, которые предстают на полотне во всей своей предметной конкретности («Карабахский дворик», 1984). В другом варианте художник использует вечернее предзакатное состояние природы, когда краски начинают излучать особый фантасмагорический свет, превращая двор в некое святилище, где свершаются обычные бытовые дела — ткут пряжу, доят животных («Вечер», 1977). Карабахский двор в представлении Григоряна не просто среда обитания, необходимая для утилитарных целей, но и своего рода модель мироздания. Здесь, как в природе, происходит постоянный круговорот событий, связанный со всеми этапами человеческого существования.

С большой теплотой Григорян создает образ своей родной деревни. Каждый ее уголок, будь то с детства наизусть знакомые сельская околица, дом, где он родился, соседский двор, всякий раз раскрывается перед ним в своей новой красоте и неповторимости. Он изображает старые тутовые деревья, без которых немыслим не только местный пейзаж, но и жизнь самих горцев, вырисовывает громоздящиеся друг над другом соты террасных построек, несколькими легкими мазками пишет отару пасущихся овец. Лирическая нота в этих прозрачных, наполненных чистотой горного воздуха пейзажах при всей сдержанности и отсутствии внешней броскости покоряет силой искреннего чувства.

Живописная мягкость работ подобного плана сменяется суховато-графической манерой исполнения в других полотнах, в них проявляется графичность, контуры предметов становятся острее и определеннее. Такое разнообразие живописного языка Григоряна ярко проявляется в его панорамных пейзажных композициях, которые даже при самых скромных размерах холста обладают монументальной целостностью. В них запечатлен образ величественной и суровой «страны камней». Эпически-созерцательный лад этих произведений подчас настраивает на философские размышления о вечности законов природы, о людях, населяющих эту обетованную для них землю, которая создана для трудного счастья. В поле зрения художника попадают каменистые плато, уступами вознесящиеся к небу, изломанный силуэт горы Рыскыан, осеняющий жизнь многих и многих людских поколений, и виноградные долины, и пастбища, и прозрачные родники. Даже горная колючка с ершистыми листьями и серебристыми цветами или осеннее перекати-поле радуют глаз художника как еще одно проявление жизни в природе, как символ родного края. В пейзажах Григоряна отсутствуют яркие контрастные тона, колорит напоминает цвет скал и земли карабахского нагорья.

Именно в пейзаже совершается рождение новой для художника живописной системы, которая распространяется и на его последующие тематические полотна. С годами и профессиональной зрелостью пришла потребность в более спокойной и уравновешенной живописи, максимально прибли-

5
Демобилизовался. 1974
6
Демобилизовался. Фрагмент

7
У окна. 1986

женной к естественной гармонии цвета и света. Активное обращение к зеленоватым, голубоватым, охристым тонам разной интенсивности усложнило палитру художника, позволило добиться мягкой и тонкой нюансировки цвета. По сравнению с ранними работами почти монохромен по живописи холст «Сбор ежевики» (1984) — лазурь ясного летнего дня, коричневато-желтоватые краски опаленной солнечными лучами земли, чернеющие ежевичные кусты на ее фоне, напоминающие о цвете спелых сочных ягод. Пейзаж написан легко и свободно, непосредственностью напоминает этюд. Вместе с тем в нем присутствует та необходимая степень обобщения форм, точное распределение немногословных деталей, которые свидетельствуют о продуманности пластической идеи и законченности композиционного решения. Более многозвучен, насыщен сложными ритмами другой пейзаж — «На водопое» (1983). Все те же уходящие к голубизне неба охристые склоны гор, покрытые скупой растительностью, но каждая скалистая возвышенность, каждый пригорок выделяются в самостоятельный объем, а дальние планы отмечены почти игрушечного масштаба фигурками животных, деревьями; при этом пейзаж не приобретает неприступный характер и необозримую величавость, а сохраняет камерность обыденного сюжетного мотива.

На первый взгляд пейзажи Григоряна обладают доскональным «портретным» сходством с живописным объектом, не случайно они тщательно детализированы — скалы, виноградные поля, деревенские проселки, камни, редкие растения; на самом деле Григорян не следует с документальной точностью выбранному мотиву. По этюдам, сделанным на месте, он пишет работы в московской мастерской, производя строжайший отбор необходимого ему натурного материала, добиваясь не иллюзорного правдоподобия, а иного выразительного смысла. Из уже готовых, существующих на холсте или в его сознании «первичных» элементов Григоряну доставляет удовольствие составлять новые и новые пейзажные комбинации, опытным путем искать какой-то необходимый ему композиционный прием, который мог бы наиболее точно выразить его идею. Будучи способен, как говорится, с закрытыми глазами написать любую деталь карабахского нагорья, бесчисленное количество раз повторенную в этюдах, Григорян переставляет, как в мозаике, скалистые холмы, меняет местами долины. Что ищет он в своих горах? За этим должен крыться какой-то смысл. Пейзаж для Григоряна, какой бы законченный и самостоятельный характер он ни имел, всегда является пространством деятельности человека. Он как сцена для актера, обжитая со всех сторон. Поэтому так логично появляются люди на фоне пейзажа, точнее внутри него («Праздник урожая», 1986). Таким образом, пейзаж Григоряна не просто запечатлевает реальность, в какой-то мере преобразовывая и усиливая декоративную выразительность натуры, а является в большой мере символом, соединяющим в себе понятие земли как отдельного поля, возделываемого

8
Карабахская мадонна. 1973—1974

земледельцами у подножия горы Рыскыан, так и всей нашей планеты, и самого пространства времени, перед которым не может устоять ничто, даже базальты Нагорного Карабаха. Живописная сюита Григоряна, посвященная этому, по-своему экзотическому, краю, была бы неполной без представления об облике его земляков — крестьян, плоть от плоти которых были его родители, остается он сам, несмотря на то, что жизнь мальчика из карабахского села течет уже по новому руслу, направляемому ритмами столичного города. В образах, созданных Григоряном, чувствуется глубокая корневая связь с неподатливой каменистой землей, кряжистыми тутовыми деревьями, поэтому и пишет портреты художник в той же живописной манере, с тем же чувством, что и пейзажи, пластически выявляя нерасторжимое единство человека и природы. Портретный жанр интересует Григоряна не столько с позиций психолога, проникающего в тайны людских характеров, сколько как возможность путем долгих аналитических наблюдений найти то неповторимое и типическое, что свойственно натуре настоящих горцев. Пример тому — «Виноградарь из Карабаха» (1983). Те же золотисто-коричневатые и голубовато-синие тона ложатся широкими мазками на лицо, одежду, на традиционную головную повязку. Твердые, резко очерченные черты лица кажутся сродни скалистым кручам, у подножия которых проходит жизнь карабахца. В его облике, осанке чувствуется внутренняя сила, мужественная

9
На закате солнца. 1977

10
Вернулся. 1980

11
Семья. 1978

собранность, которые под стать скорее доблестному воину, нежели мирному крестьянину. Виноградарь воспринимается как собирательный образ, в котором сконцентрировались извечные качества, свойственные цельной породе этих крепких, свободолюбивых людей. Подобного впечатления добивается Григорян и при создании женских портретов. Используя натурные зарисовки, он сознательно в процессе творчества уходит от натуралистической точности и стремится воплотить на полотне идеальное представление о своеобразном типе южной женской красоты. Таковы его портреты «Женщины на синем фоне» (1975), «Портрет армянки» (1982).

В начале восьмидесятых годов Григорян пишет несколько неожиданную для него в этот период тематическую картину «Под мирным небом» (1981—1982). На фоне идиллического, почти сказочного пейзажа, под деревом, традиционно трактованным как символ жизни, сидит молодая женщина, ждущая ребенка. Рядом с ней — играющий на кеманче мужчина, напоминающий своим облачением героя народного эпоса. Женский образ исполнен живой прелести и грациозного обаяния, мужской воспринимается более схематично и напоминает изображения на старинных восточных миниатюрах. Мир и покой царят в картине. Этому состоянию Григорян удивительно умеет подчинить общий музыкальный ритм композиции, в котором ощутимо передает характер звучания протяжной национальной мелодии, наигрываемой на народном инструменте. В отличие от прежней сочной и ярко декоративной живописи полотно выполнено художником в мягких, тончайших перламутровых переливах зеленоватых, голубоватых и охристых тонов. Мазок теряет привычную плотность и фактурность, становится по-акварельному легким, почти прозрачным. Подчеркнуто декоративная система наложения мазков, их ритмическая последовательность, а также сама вибрирующая поверхность рисунка фона местами напоминают орнаментальный узор. В целом картина вызывает ассоциации с гобеленом, в классическом варианте которого живописно-картинное и декоративно-орнаментальное начало жили в полном согласии, дополняя друг друга.

Возвращаясь к истокам, питающим творчество Григоряна, мы находим в них реминисценции крестьянского народного искусства и отзвуки полной загадочного смысла орнаментики восточных ковров. Сам художник на вопрос о том, какая историческая традиция его вдохновляет, ссылается на влияние средневековой армянской миниатюры, этого замечательного своей самобытностью памятника национальной художественной культуры. Изобразительная система старых мастеров отличалась необыкновенной ясностью построения сюжетных и орнаментальных композиций, тонким вкусом в подборе цвета и умением привести праздничную многокрасочность к гармоническому совершенству. Изощренная, беспредельная по выдумке фантазия в создании любого вида орнамента, музыкальная ритмичность линейных переплетений, декоративно-живописное начало были характерны для миниатюры

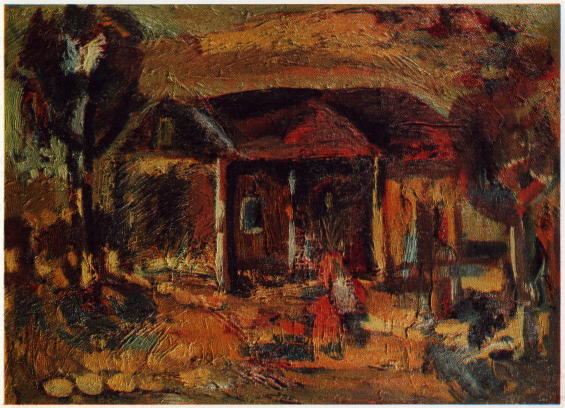
12
Сбор орехов. 1981
13
Будни моего села. 1985

на разных хронологических этапах ее развития. Средневековая книжная миниатюра — тот кладезь, из которого армянские художники всегда черпали вдохновение и учились профессиональной мудрости. Если внимательно проанализировать творчество Григоряна, то станет понятно, что его современное художественное видение во многом опирается на национальную стилистическую традицию. Художник создает свои динамичные, ритмически экспрессивные композиции при помощи плоскостного построения картинного пространства, как это делал средневековый мастер. В соответствии с общей плоскостной схемой в изображении реального предметного мира главным в работах Григоряна становится не объем, а линия или пятно. Можно вспомнить, каким прихотливым абрисом очерчена фигура музыканта на полотне «Под мирным небом» или условные изображения фигурок людей в «Сборе ежевики», написанных несколькими точными ударами кисти.
Как уже многократно отмечалось, основополагающим пластическим элементом в живописи Григоряна является цвет, отношение к нему как к носителю собственной символической значимости, как к поэтической метафоре, как к «создателю» психоэмоциональной среды в картине. В каком-то смысле это отношение к цвету сближает эстетическое мировоззрение мастеров армянского средневековья и художника второй половины XX столетия.
Подобно старым миниатюристам, в некоторые фигуративные композиции Григорян включает откровенно декоративные элементы, не противореча тем самым общей стилистике произведения. В целом ряде полотен у него встречается данный крупным планом мотив вьющейся виноградной лозы, популярный в иконографии изобразительного искусства не только Армении, но и других южных стран и олицетворяющий в солнечных краях животворящее начало. В таких разных по смыслу работах, как «Виноградари» (1984), «Отец солдата» (1985), Григорян переплетает виноградные листья и спелые гроздья, образуя из них нечто напоминающее торжественную раму или декоративную арку, в обрамление которой вписываются фигуры людей. В соответствии с содержанием картины меняется символическая окраска мотива, в одном случае — это триумф труда, аллегория плодородия, в другом — знак памяти и одновременно возрождения.
Сцены из народной жизни, которые продолжает писать Григорян в эти годы, связаны в том числе и с жизнерадостной темой праздника, всеобщего ликования. В живописные полотна как непременное сопровождение всякого праздничного гуляния входит музыка и танец. В их разнообразных ритмах, то огненных, то плавных, проявляется вся темпераментная натура горцев, умеющих не только возделывать виноградные поля, пасти овец, прясть пряжу, но и вкладывать душу в подлинное веселье. В картине «День Победы» (1985) танцуют все и везде — во дворах, на плоских крышах своих домов, на сельской площади, в такт музыкантам машут флажками дети.

Можно рассмотреть отдельные бытовые сценки — шашлычника у дымящегося мангала, парня, с размаху оседлавшего ослика. Такой вихреобразный круговорот массового действа, в который невольно втягивается зритель, — обычное явление на Кавказе. В том же динамичном и подвижном ритме строится композиция картины — сбегают с горы ступеньками сельские домики, их незамысловатая архитектура перебивается разномасштабными купами древесных крон; катится, вливаясь в пространство маленькой площади, крутая деревенская улочка. Экспрессия движения достигает своего апогея в танцующих фигурках людей, изображенных настолько условно, что они воспринимаются скорее как некие знаки, в рисунке которых тем не менее точно зафиксирована характерная специфика национального танца. Художник не ставит своей целью создать исключительно жанровую сцену на тему сельского быта. Его задача значительно глубже и шире. В картине Григоряна, в сущности, танцуют не конкретные люди и даже не конкретное село. В нем танцует народ. Этот танец олицетворяет собой не только радость, труд, любовь. Он передается из поколения в поколение и, как многие национальные обычаи, сохраняет народ в его духовном единстве.

В представлении Григоряна между природой и людьми существует вечная, естественная и непрерывная связь. Именно поэтому его сюжетные композиции развиваются на фоне ка-

14
Вечер. 1977
15
Карабахский дворик. 1984
16
Дом, где я родился. 1981



рабахского горного пейзажа; интерьерных сцен, как, впрочем, и натюрмортов, в его творчестве немного. Так и в полотне «Родина благодарна своим сыновьям» (1985) пейзаж выражает основное содержание картины. Рождается приподнято-героический образ, который мыслится автором как символ Родины, помнящей о своих погибших на войне сыновьях. Картина написана одновременно с двух точек зрения — высокой и низкой, что позволяет охватить обширную панораму уходящих к небу долин, холмов, далеких голубеющих вершин, над которыми как торжественный монумент высится знакомый по прежним работам силуэт горы Рыскыан. Во всем ощущается беспредельность, широта и даль горизонта, эпическая значительность картины природы. Подобны рукотворным памятникам и застывшие в молчании деревья. Холодные тона колорита создают настроение величия и скорби.

По тем же композиционным принципам построена одна из последних работ Григоряна — «Моя земля» (1984). Две темы, как две главные линии жизни — мирного труда и памяти о прошлом, наполненном невосполнимыми жертвами, составляют его творчество. Эти темы неисчерпаемы, если за них берется художник с чутким сердцем. Искренность и взволнованность произведений Григория Григоряна, самобытный живописный язык, любовь художника к земле и людям заставляют зрителя проникнуться чувствами добра и любви.

17
Вечерняя песня. 1983

Я начал рисовать в девять лет. Рисовал все, что видел, — улицы, дома, мост через реку, делал даже портреты своих родных и друзей. Двенадцати лет, занимаясь в изостудии при бакинском Доме пионеров, я неожиданно для себя стал победителем на республиканском конкурсе детского рисунка. В 1961 году меня приняли на графический факультет Государственного художественного института имени В. И. Сурикова. Так я стал москвичом. Студенческие годы пролетели незаметно и остались, как, наверное, в жизни любого человека, самым счастливым и незабываемым временем. Художественная среда, в которой я жил, споры, обсуждения произведений, посещение выставок, мои сокурсники, преподаватели воспитали во мне не только художника, но прежде всего человека. Я занимался в мастерской плаката, руководителем которой был Н. А. Пономарев, а его ассистентами — тогда еще совсем молодые художники О. М. Савостюк и Б. А. Успенский. В процессе обучения профессиональному мастерству учителя не пытались изменить мои природные творческие наклонности, в частности стремление писать открытым цветом. Я в те годы постоянно экспериментировал с формой, на палитре оставлял преимущественно яркие, чистые тона.

18
У очага. 1980

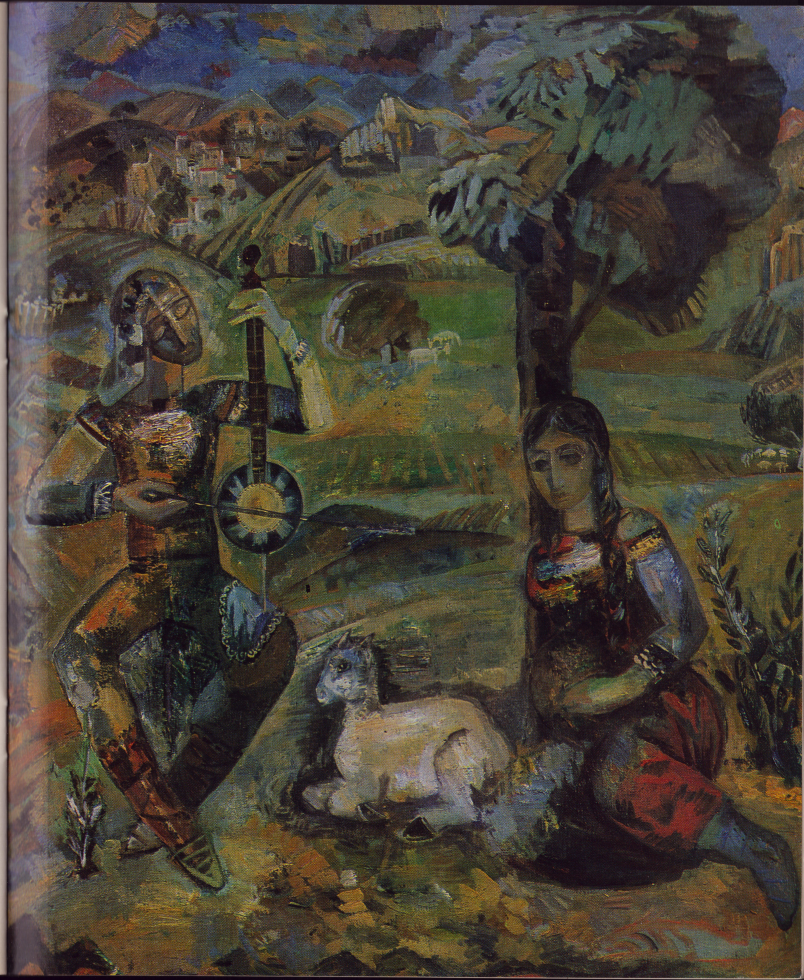
Мне особенно близка военная тема, тема памяти о карабахцах, погибших на полях сражений. Годы моего детства, прошедшего в Карабахе, совпали с годами войны, и о ней я знаю в основном по рассказам моих земляков, односельчан. Я по натуре очень общительный человек, и мне доставляет удовольствие сидеть вечерами под тутовым деревом и слушать воспоминания стариков. Несмотря на то, что прошло уже сорок лет после окончания войны, это время постоянно присутствует в их разговорах о былых днях. Я помню, как поразил меня рассказ о том, как женщины нашего села снимали с себя национальные серебряные украшения, доставшиеся им от предков, и отдавали их в фонд обороны. Я видел сам, как уже после войны матери-вдовы растили по десять детей. И я хорошо знаю, что многие из них до сих пор ждут своих не вернувшихся с войны отцов, сыновей, мужей и говорят о них, как о живых. У нас часто можно увидеть такую картину: группа женщин собирается у какого-нибудь могильного камня и оплакивает погибших в чужих краях... Каждая из них переживает свое горе, но объединяют их одни чувства — не только скорби и печали, но и преданности ушедшим из этого мира, гордости за их доблесть и мужество. Поэтому у меня свое отношение к теме войны. Я связываю ее с темой материнства. Для меня герой — не только солдат, завоевавший победу ценой своей гибели, но и тот, кто дал ему жизнь и его воспитал, — это мать, принявшая на свои плечи все тяготы войны, свершившая свой великий подвиг. Ей, женщине-матери, я посвятил свои полотна «Память» и «Матери Карабаха».

19
Пейзаж с камнями и колючками. 1983
20
На водопое. 1983

Детские рисунки

После окончания института я прожил в Москве двадцать лет. У меня была творческая мастерская, я участвовал в художественных выставках, выполнял заказные работы. Казалось, жизнь налажена, и не было смысла ее менять. Но в какой-то момент я понял, что слишком оторвался от своей земли, от своих корней, и решил на время оставить все, уехать в родное село. Ведь для того, чтобы лучше узнать свой народ, нужно изо дня в день наблюдать, как от зари до зари работают односельчане, чем живут и чему они радуются, проникнуться их сокровенными мыслями и чувствами. Только тогда можно создавать по-настоящему искренние произведения. Я ехал по знакомой с детства проселочной дороге, которая сверху, из моего села, извиваясь между гор, ведет вниз, в большой мир. Около подножия горы Рыскыан я прожил четыре года, и они стали очень важным периодом в моей творческой работе. Однажды, когда я, как всегда, стоял перед этюдником и писал очередной карабахский пейзаж, ко мне подошли деревенские дети и с любопытством стали смотреть, как я работаю. Буквально на следующий день я пришел в местную школу, где обучалось всего тридцать пять школьников, устроился работать учителем рисования и начал преподавать детям своего родного села Цоватех азы изобразительного искусства. Я не ставил целью воспитать из моих учеников профессиональных художников. Мне хотелось научить маленьких карабахцев видеть и любить красоту их родной природы, людей, которые живут рядом. Обычно я спрашивал их в начале урока: «Что делал (или делала) накануне!» — «Я помогала матери печь хлеб», «Я пас барана». Это и были темы детских рисунков. Они рисовали то, что привыкли видеть с рождения и каждый день. Мы ездили с ними в горы, в другие села, писали пейзажи, целые композиции. В результате собралось такое количество работ, что я решил устроить своеобразный эксперимент — организовать первую в селе выставку детских рисунков и пригласить на нее родителей. Дети загорелись этой идеей и помогали мне резать оргалит, оформлять рисунки, развешивать их по стенам, и делали это с такой любовью и энтузиазмом, что у меня теплело на душе. Для выставки нам отвели помещение маленького сельского клуба, расположенного в самом центре нашего села, под старым карагачем, о котором местные жители говорят, что ему восемьсот лет и он многое повидал на своем веку. Зрителей мы ждали долго, но они все не шли: в деревне свой, установленный жизнью распорядок дня — в восьмом часу заканчивают доить коров, завершают другие дела долгого и трудного крестьянского дня. Только в десять часов вечера мы увидели первых посетителей. Они пришли в праздничной одежде, с оживленными лицами, чувствовалось, что для них это день, вернее вечер, необычный, и воспринимают они его как настоящий праздник. До часу ночи мне задавали вопросы о том, что такое художник, как он работает, чем живет; мне пришлось прочесть целую популярную лекцию об искусстве. И по тому, как реагировали люди на мои слова, на

21
Под мирным небом
Фрагмент. 1981—1982



22
Портрет пастуха. 1981
23
Портрет женщины на синем фоне.
1975
24
Портрет армянки. 1982
25
Портрет виноградаря из Карабаха.
1983
26
Старые тутовые деревья. 1986

27
Утро в деревне. 1984

28
Виноградари. 1984

29
Богатый урожай. 1986

работы своих детей, я понял, что мои труды не прошли даром.

Потом мы повторили выставку уже в районном центре Мартуни, в клубе имени Саят-Нова, куда пригласили школьников и их учителей из всех соседних сел. Восьмисотместный зал был забит до отказа. И опять вопросы, ответы в течение четырех часов. Один председатель колхоза, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР сказал про меня наполовину шутливо, наполовину серьезно, что «этот парень за четыре года сделал в эстетическом воспитании детей то, что мы не сделали за свою жизнь». О выставке писали в карабахских газетах, потом ее перевели в областной центр Нагорного Карабаха — Степанакерт. Обком КПСС выделил специальные автобусы, на которых дети и их родители из Цоватеха приехали на открытие выставки. Рисунки моих ребят посылали в другие города. Так, в Ташкенте на Всесоюзной выставке детского рисунка мои ученики получили первые четыре премии, затем стали лауреатами XI Всемирного фестиваля молодежи и студентов на Кубе по разделу детского творчества. Я всегда считал и считаю, что моя работа в Карабахе — дань моему краю, моей земле, богатой народными талантами. Мне кажется, что именно искусство поможет детям стать настоящими людьми, патриотами нашей страны, воспитает в них самое высокое с моей точки зрения качество человека — доброту.

Мне думается, что в искусстве нет простых сюжетов, а есть соответствующее к ним отношение художника. Все мои темы вышли из Карабаха, я сросся душой с людьми своей земли, с ее виноградными долинами, каменистыми плато, горными ручьями, с нравами и обычаями моей родины. В каждый приезд в село я не только пишу бесконечное количество этюдов, но и стараюсь как можно больше общаться со своими земляками, особенно со стариками и детьми. У одних я учусь мудрому, философскому отношению к жизни, которое приходит с грузом прожитых лет, у других, напротив, ясному и непосредственному взгляду на мир, возможному только в пору беззаботного, радостного детства. Мне не нужно искать сюжеты для своих картин — они ждут меня на каждом шагу, любое проявление жизни может стать законченной темой для очередной работы. Главное, нужно найти ей такое художественное и эмоциональное выражение, чтобы не оставить равнодушным самого придирчивого зрителя. Кажется, в родном селе я знаю наизусть каждый закоулок, каждый камень, на ощупь могу определить, где нахожусь, и все же всякий раз открываю для себя что-то новое. Хочется писать не покладая рук и виноградаря-труженика, и опять гору Рыскыан, и сельские дворики, и овец у водопоя.

30
День Победы. 1985

Мое сердце и мое искусство навсегда отданы Нагорному Карабаху, моей родине, моей земле, на которой я родился, сделал свои первые шаги, сказал свое первое слово на родном языке. Трудно найти такой народ, который не был бы привязан к своему отчему дому, у которого не было бы остро развито чувство земли своих предков. Есть армянская пословица: «Не ищи обетованных краев, они там, где ты родился». Конечно, сегодняшние демографические процессы, связанные с увеличением населения города, распространились и на Карабах. Но даже и сейчас, в век освоения космоса, трудно заставить карабахца уйти из своего села, спуститься с гор туда, где более плодородная почва, и изменить трудные условия своей жизни на высокогорье на более благоприятные внизу, на равнине. Каждый остается у своей горы, при своих тутовых деревьях, посаженных руками отца, деда или им самим. И новый дом житель Нагорного Карабаха будет строить не только на том месте, где стоял прежний, но и снизу землю принесет, чтобы засыпать камень и посадить еще одно тутовое дерево. Мой земляк, талантливый писатель Леонид Гурунц пишет в одной из своих книг: «Видели ли вы огромное дерево с роскошной кроной, усыпанной светлыми, в продолговатых пупырышках ягодами! Это и есть наш тут. Он растет только в Карабахе. Наш тут называют еще шах-тутом, что означает «царь-тут». Это название дано ему неспроста. Тутовое дерево могуче и щедро. Не успеешь собрать один урожай, как поспевает другой. Падает тут. Белый. Сладкий. Рано утром он тает во рту сахарным холодом. Но это не все. Его собирают и сушат на крышах, и в зимние завьюженные вечера он незаменимое лакомство... Чудесная ягода шах-тут! Про нее всего не расскажешь. Лучше последуйте за нами в сады!.. Тутовые деревья не огорожены, их невозбранно может посещать любой и лакомиться опадышами. Таков обычай» [1].

У наших горцев есть своя гордость за отечество. Наш маленький край никогда не был под игом иноземцев, карабахцы всегда оставались независимыми, свободными людьми. За свою жизнь мне пришлось побывать в разных странах. Я видел небо и землю трех континентов — Европы, Азии и Африки, но лучше карабахского неба, лучше красок карабахской земли для меня нет. Нагорный Карабах всегда остается для меня сердцем планеты, где бы я ни находился.

[1] Гурунц Леонид. Карабахская поэма. М., Художественная литература, 1970, с. 74.

31
Праздник урожая. 1986

Я считаю, что не может быть природы вне человека и человека вне природы. Они неотделимы друг от друга. Раньше в своих композициях большую часть холста я занимал фигурами, почти совсем не оставляя места для окружающей их среды. Теперь я стремлюсь расширить картинное пространство и потому ведущее место оставляю за пейзажем. Я стремлюсь к тому, чтобы органически связать в картине человека с землей, на которой он живет, через своеобразие природы дать представление о характере людей моего края, их образе жизни. Очень люблю писать осень. Когда я пишу пожелтевший Карабах, мне опять приходят на память строчки писателя Леонида Гурунца, воспевшего осень на моей земле: «Тихо в золотистых садах, тепло, как летом, поляны клубятся зеленью, на ветвях ореха и тута висит роса, с пронзительным криком проносятся над ними ласточки... Осень незримо вступает в свои права. Ее хлопотливые руки раздевают лес, умиротворяют шорохи, взмахи крыльев, щебет птиц, жужжанье насекомых. Листья нехотя, не веря в близость смерти, осыпаются с деревьев. Они долго кружатся над землей, будто выбирая себе место, куда упасть. С вершин гор набегают серые облака... Пусто вокруг. Мертвый шар перекати-поле медленно катится по склону. Иногда он на минуту останавливается, словно размышляя, не кончить ли свое путешествие на этом месте, и снова катится, подгоняемый ветром...» [1] Когда я пишу осенний Карабах, я переживаю то же самое настроение.

[1] Гурунц Леонид. Карабахская поэма, с. 211.

32
Родина благодарна своим сыновьям. 1985

Как и у всякого народа, у нас много праздников. Главные из них, идущие еще с незапамятных языческих времен, — праздник цветения и праздник урожая. Накануне праздника все село преображается. Деревня гудит. На крышах собираются мужчины, обсуждающие последние события в селе и во всем мире. Женщины с кувшинами на плечах идут к роднику за водой. Бродячие канатаходцы устанавливают свои эфемерные конструкции. Когда-то — я этого уже не застал — приходили скоморохи-весельчаки, певцы и сказители. Канатоходцы приходили всегда в конце лета, после сбора урожая. Впереди на камнях рассаживаются седобородые старики. Начинаются танцы. Под звуки зурны и бубна мужчины исполняют танец, уходящий без преувеличения в глубину тысячелетий, он жив и по сей день как живое проявление чувств, а не как хореографический экспонат. Люди отдыхают и радуются после трудного лета. Он и сегодня очень тяжел, труд моих односельчан: на расположенных на крутых склонах виноградниках не может работать никакая техника. К вечеру на кровлях, во дворах и проулках накрываются столы. Кое-где еще поют старинные, как правило, грустные песни, в которых рассказывается о тяжелой судьбе армянского народа. Был еще праздник любви, это после праздника урожая, но я его не застал. В своем селе я посадил сто плодовых деревьев. Из Тбилиси, Еревана, Кировабада я привез саженцы грецкого ореха, вишни, хурмы, которая никогда прежде не росла в этих местах. Этот сад существует и сейчас, растет и плодоносит, местные жители называют его «садом художника».

33
Моя земля. 1984

Список репродукций *

1 **Матери Карабаха.** 1974
Холст, масло. 190×130
Томский областной художественный музей

2 **Сынам Карабаха.** 1975
Холст, масло. 204×140

3 **Память.** 1981
Холст, масло. 170×145

Заброшенная церковь. 1978
Холст, масло. 82×86

4 **Отец солдата.** 1985
Холст, масло. 130×130
Министерство культуры РСФСР

5, 6 **Демобилизовался.** 1974
Холст, масло. 126×130
Союз художников СССР

Красные ворота. 1981
Холст, масло. 75×65

* Произведения, собственность которых не указана, принадлежат художнику.

Серый день. 1983
Холст, масло. 95×80

7 **У окна.** 1986
Холст, масло. 88×76

8 **Карабахская мадонна** 1973—1974
Холст, масло. 150×130
Союз художников СССР

9 **На закате солнца.** 1977
Холст, масло. 90×90

10 **Вернулся.** 1980
Холст, масло. 160×140
Союз художников СССР

11 **Семья.** 1978
Холст, масло. 120×100

Весна в горах. 1984
Холст, масло. 130×130

12 **Сбор орехов.** 1981
Холст, масло. 105×95

13 **Будни моего села.** 1985
Холст, масло. 130×130
Московское отделение Союза художников РСФСР

14 **Вечер.** 1977
Холст, масло. 90×70
Московское отделение Союза художников РСФСР

15 **Карабахский дворик.** 1984
Холст, масло. 130×130

16 **Дом, где я родился.** 1981
Холст, масло. 76×101

17 **Вечерняя песня.** 1983
Холст, масло. 160×160

18 **У очага.** 1980
Холст, масло. 150×140
Тульский областной художественный музей

19 **Пейзаж с камнями и колючками.** 1983
Холст, масло. 81×100

20 **На водопое.** 1983
Холст, масло. 120×98

21 **Под мирным небом** 1981—1982
Холст, масло. 150×150
Союз художников РСФСР

22 **Портрет пастуха.** 1981
Холст, масло. 85×75

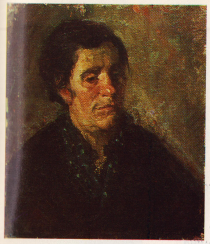
23 **Портрет женщины на синем фоне.** 1975
Холст, масло. 87×75

24 **Портрет армянки.** 1982
Холст, масло. 47×37

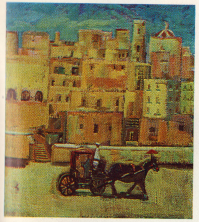
Старый дом. 1982
Холст, масло. 64×50

25 **Портрет виноградаря из Карабаха.** 1983
Холст, масло. 85×60
Союз художников СССР

Село Сос. 1986
Холст, масло. 71×85



Портрет матери. 1959
Холст, масло. 35×30



На Мальте. 1986
Холст, масло. 88×76

26 **Старые тутовые деревья.** 1986
Холст, масло. 100×119
Государственный музей искусства народов Востока

27 **Утро в деревне.** 1984
Холст, масло. 150×200
Министерство культуры СССР

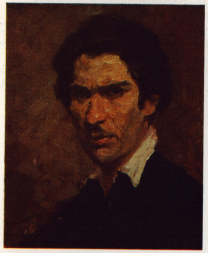
У подножия горы Рыскыан. 1983
Холст, масло. 68×88

28 **Виноградарь.** 1984
Холст, масло. 130×130
Московское отделение Союза художников РСФСР

29 **Богатый урожай.** 1986
Холст, масло. 160×150
Союз художников СССР

30 **День Победы.** 1985
Холст, масло. 150×160
Собственность художника

31 **Праздник урожая.** 1986
Холст, масло.
Союз художников СССР



Автопортрет. 1959
Холст, масло. 35×30

32 **Родина благодарна своим сыновьям.** 1985
Холст, масло. 150×200
Союз художников СССР

33 **Моя земля.** 1984
Холст, масло. 200×160
Союз художников СССР

Греция. Окраина Пирея. 1986
Холст, масло. 58×58

Испания. Белые дома. 1986
Холст, масло. 78×82

Сбор ежевики. 1984
Холст, масло. 105×75
Союз художников СССР

Елена Вадимовна
Васютинская

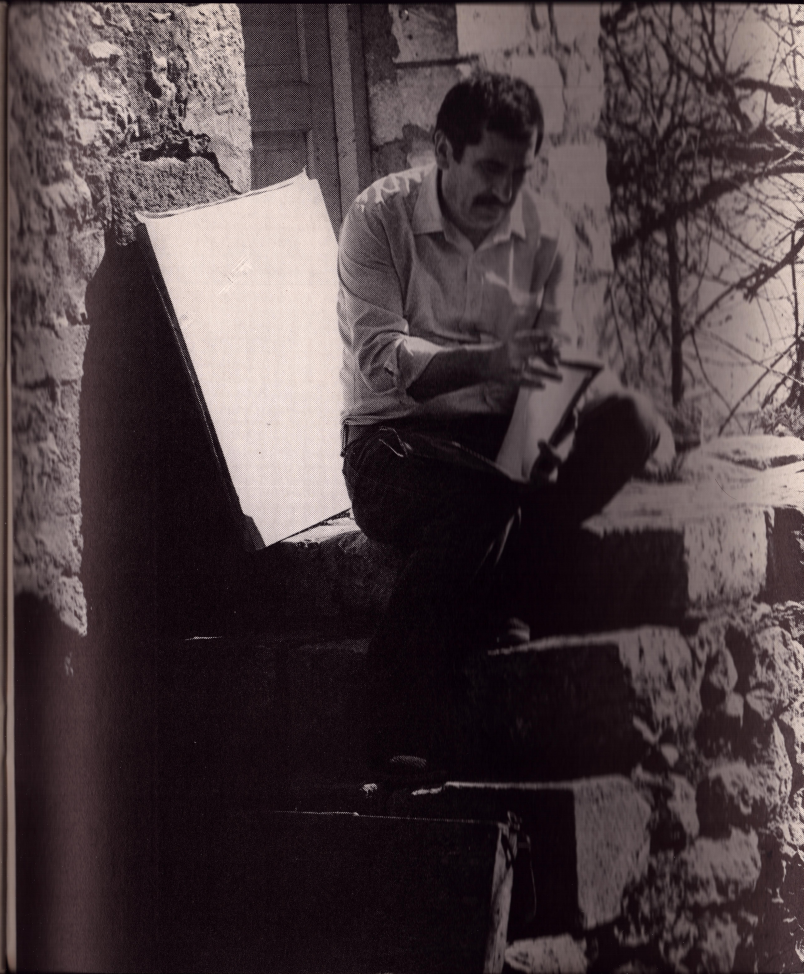
Г. Григорян (Григор)
Поэма о Карабахе

Альбом

Зав. редакцией Э. З. Ганкина
Редактор Г. П. Конечна
Художественный редактор К. А. Сельвинский
Технический редактор В. П. Ермакова
Корректор Л. В. Дегтяренко
Фотографы В. С. Земский, Н. У. Лемберг
Документальная фотосъемка И. А. Пальмина

ИБ № 1093
Сдано в набор 17.03.87
Подписано в печать 02.11.87
Формат 60×90¹/₈
Бумага мелованная 120 г
Гарнитура шрифта журнальная рубленая
Печать высокая
Усл. п. л. 6,0. Усл. кр.-отт. 30,0. Уч.-изд. л. 5,833
Тираж 10 000. Зак. № 637. Изд. № 3-581
Цена 1 р. 60 к.
Издательство «Советский художник»
125319, Москва, ул. Черняховского, 4а
Типография изд-ва
«Советский художник»
129327, Москва, Ленская ул., 28
Г 4903020000-004 42-88 75с2
084(02)-88 13-20
© Издательство «Советский художник», 1988 г.

ISBN 5-269-00122-5



Г. Григорян

Мир глазами художника

Поэма о Карабахе

1 р. 60 к.